

МИХАЛЬЧЕНКОВА Наталья Алексеевна – доктор политических наук, профессор кафедры, руководитель Арктического проектного офиса Санкт-Петербургского государственного университета (199034, Россия, г. Санкт-Петербург, Университетская наб., 7-9; mehedova@yandex.ru)

АРКТИЧЕСКАЯ ПОЛИТИКА И НАУЧНАЯ ДИПЛОМАТИЯ В ВОСТОЧНОМ ИЗМЕРЕНИИ

Аннотация. В статье раскрывается значение исследований Арктического региона, анализируются научные направления этих исследований, анализируются направления Арктической политики Китайской Народной Республики. Автор раскрывает значение гуманитарной миссии науки и научной дипломатии в международном сотрудничестве стран.

Ключевые слова: Арктика, политика, наука, научная дипломатия, международные отношения, КНР

Роль научных знаний особенно актуальна для разработки политики в условиях неопределенности [Jasanoff 2013]. В Арктике быстрые изменения окружающей среды, глобализация транспортных коридоров Арктического Севера и судоходства, а также передовые технологии добычи ресурсов создают крайне уязвимую и нестабильную обстановку [Leichenko, O'Brien 2008]. Эти геополитические неопределенности, возникающие на границе взаимодействия человека и природы, дополнительно усугубляются геополитическими, зачастую ошибочными представлениями мировых держав. Поскольку регион Арктики испытывает дефицит от растущей неопределенности, высказывается предположение, что научное сотрудничество и производство новых знаний может оказать стабилизирующее влияние на регион [Bertelsen 2016].

Китай, наряду с другими азиатскими странами, стал заметным игроком в делах Арктического региона благодаря проводимой обширной программе полярных исследований, инвестициям в проекты по добыче природных ресурсов и коммерческим рейсам судов, время от времени проходящим транзитом по Северному морскому пути (СМП) и Северо-Западному проходу (СЗП). В формировании системы отношений между арктическими и неарктическими государствами важным является 2013 г., когда Арктический совет одобрил заявки Китая, Южной Кореи, Японии, Сингапура, Индии и Италии на получение статуса наблюдателя. Казалось бы, территориально ограниченный клуб демонстрирует растущую открытость Арктического совета для участия неарктических государств в его составе.

Китай поощряет создание глобальной полярной культуры, чтобы поддержать активность своего участия в Арктике, возвращая международному сообществу ценность Арктического региона, членом которого является Китай. В совокупности эти факторы служат укреплению внутренней полярной идентичности страны и ее глобальной идентичности как ответственного, экологически сознательного и готового к сотрудничеству государства. На первый взгляд эти нарративы могут показаться противоречивыми, поскольку они основаны на противоположных пространственных императивах, но на деле они усиливают друг друга. Подчеркивая близость Китая к северу, официальные лица продвигают динамичность территориального ощущения Арктики, которое они более открыто отстаивают в своих глобалистских нарративах.

Многообразная активность присутствия Китая в Арктике связана с динамикой смены приоритетов глобального управления. Например, когда в сентябре 2015 г. у побережья Аляски курсировали пять кораблей ВМС Китая, многие наблюдатели пришли к выводу, что Китай расширяет свое военно-

морское присутствие в Арктике [Su Ping, Mayer 2018; Brady 2017]. Тот факт, что Китай идентифицирует себя как «приарктическое государство» и «заинтересованную сторону», также вызывает подозрения среди ведущих арктических держав [Jakobson, Peng 2012]. Китайский адмирал в отставке заметил, что «Арктика принадлежит всем людям во всем мире, из чего следует, что ни одна нация не имеет над ней суверенитета». Многие отмечают активность КНР, в т.ч. новое здание посольства Пекина в Рейкьявике и инвестиционные планы горнодобывающей компании в Гренландии, что может быть свидетельством экспансионистских амбиций Китая [Su, Lanteigne 2015]. В 2013 г. в международных СМИ, в материалах об арктических приоритетах Китая отмечалась активность последнего как в инвестициях в нефть и газ, так и во вложениях в проектирование арктического судоходства, возможности военного присутствия. Следствием этого явился меморандум Министерства иностранных дел Китая, который официально отказал в крупномасштабных инвестициях в Гренландию. Не удивительно, что попытки Китая получить статус постоянного наблюдателя в Арктическом совете вызвали бурные дискуссии. КНР неоднократно заявляла, что уважает суверенные права арктических государств и безоговорочно поддерживает нормы и принципы, заложенные Арктическим советом¹ [Peng, Wegge 2014].

На этом фоне научное присутствие Китая в Арктике видится в положительном свете. Китайские исследователи и ученые сформировали существенное сотрудничество в направлении сетевых проектов. В 1996 г. Китай присоединился к Международному научному комитету по Арктике (*IASC*). В 1999 г. КНР организовала первую из восьми арктических экспедиций, в 2004 г. — инициировала Азиатский форум полярных наук с Японией и Южной Кореей и создала полярную станцию «Хуанхэ». Три года спустя Китай присоединился к мероприятиям по проведению Международного полярного года. В 2012 г. Россия и Китай установили ежегодный двусторонний диалог, открыв путь для аналогичных двусторонних диалогов с Канадой и США, каждый из которых проводится крупнейшими университетами или научно-исследовательскими институтами. В 2013 г. был создан Китайский центр северных арктических исследований (*CNARC*) как многосторонняя исследовательская платформа под руководством Китая, которая объединяет ученых, предпринимателей и политиков из КНР, Швеции, Норвегии, Дании, Финляндии и Исландии, а также российских и американских наблюдателей [Большаков 2017; 2018]. В 2017 г. Китай и Исландия открыли новую совместную полярную обсерваторию «Аврора». В КНР в дополнение к необходимым технологическим аппаратным возможностям для полярных исследований быстро развивались соответствующие академические направления подготовки и институциональные структуры. Китайское полярное исследовательское сообщество включает ученых в области естественных и социальных наук и публикует результаты своих исследователей в новых журналах, исследовательских центрах и на научных конференциях [Yang, Yu 2014].

Активность исследований Китая привела к повышению уровня доверия среди академического сообщества. Исследования позволяют определить четыре механизма построения такого доверия: 1) совместное использование научных ресурсов; 2) долгосрочное взаимодействие между учеными; 3) укрепление институтов, основанных на знаниях; 4) косвенные эффекты.

¹ China's Arctic Policy. — *Ministry of Foreign Affairs of the People's Republic of China*. 2018. Доступ: http://www.fmprc.gov.cn/web/ziliao_674904/tytj_674911/zcwj_674915/t1529258.shtml (проверено 01.05.2022).

Совместное использование инфраструктуры, ресурсов и данных о суровых природных условиях Арктики позволяет сформировать сетевую исследовательскую инфраструктуру, активно обмениваться научной информацией. Подобное сотрудничество позволяет сформировать сеть формализованных отношений между учеными и научно-исследовательскими учреждениями, включая, например, Арктическую сеть наблюдений, Международный арктический научный комитет, Университет Арктики, Форум операторов арктических исследований, Международную сеть наземных исследований и мониторинга в Арктике, Всемирную метеорологическую организацию, Международно-научный совет по исследованию моря, Тихоокеанскую арктическую группу, Ассоциацию молодых полярных ученых и Международную арктическую ассоциацию социальных наук. Соглашение 2017 г. о расширении международного научного сотрудничества в Арктике развивает это сотрудничество: например, содействие поездкам и обмен исследовательскими материалами, образцами, данными, оборудованием, исследовательской инфраструктурой и объектами. Примером является Комитет научных администраторов (руководителей) Нью-Алесунда, который управляет общей исследовательской и лабораторной инфраструктурой [Su Ping, Mayer 2018]. Китайские ученые являются членами большинства этих многосторонних соглашений.

Собственная деятельность Китая по обмену данными в полярной науке восходит к началу 1980-х гг. Полярные исследования КНР были инициированы участием ученых в исследовательских программах других государств, таких как Австралия, Чили и Япония. Китай участвовал в проектах своим ледоколом и исследовательскими ресурсами при проведении Китайской антарктической исследовательской экспедиции и других национальных арктических исследовательских экспедиций [Yang 2012]. Все китайские арктические исследовательские экспедиции были открыты для иностранных участников. Китайские ученые участвовали в арктических экспедициях, инициированных другими странами. Например, они проводили совместные исследования ледников и вечной мерзлоты с канадскими учеными, а также исследования по бурению льда с учеными из Дании и Гренландии [Yang 2012].

Эта традиция обмена была углублена активизацией участия Китая в Международном полярном году (МПГ) 2007–2008 гг. Например, программа МПГ в Китае включала в себя проект *PANDA* (2007–2010 гг.), в рамках которого было установлено 30 систем наблюдения в ходе четырех антарктических экспедиций в сотрудничестве с Австралией, Японией, Великобританией и США. Другие проекты выполнялись в сотрудничестве с учеными из ЕС, Канады, Финляндии, Франции, Норвегии и США¹. В рамках долгосрочного сотрудничества в области токсичных загрязнителей китайские институты предлагают наилучшее доступное измерительное оборудование, а норвежские исследователи делятся своим опытом измерений [He, Zhang 2012]. Поскольку совместное использование инфраструктуры и ресурсов – это не просто часть отдельных экспедиций, а постоянная функция, китайская научная дипломатия в регионе способствовала росту «процедурного доверия» между всеми заинтересованными сторонами.

Благодаря взаимодействиям ученых, научно-исследовательских институтов и их прочным отношениям получила развитие научная дипломатия. Долгосрочные взаимодействия между учеными помогают трансформировать процедурное доверие в общее взаимное доверие между научным сообществом и даже политическими акторами. Транснациональные партнерства, или сети

¹ Ibid.

постепенно улучшают способность ученых разрабатывать новые корпоративные структуры, такие как более глубокая кооперация между Шанхайским институтом международных исследований и университетом Тунцзи, а также ежегодные двусторонние и многосторонние диалоги между Китаем и арктическими государствами.

Став наблюдателем в Арктическом совете, Китай активно поддерживает ключевую региональную организацию, которая основывает свои обсуждения на оценках рабочих групп, состоящих из ученых из арктических и неарктических государств¹. По мере того как китайские университеты и научно-исследовательские институты расширяют свои сети в Арктике, они усиливают контекст общепринятых ценностей и процедур, что нашло отражение в структуре Арктического совета и региональных институтов. В контексте этих основанных на знаниях институтов взаимное доверие возникает на основе профессионализма. Хотя вклад китайских ученых в рабочие группы Арктического совета, возможно, недостаточен, логика совместного получения объективных знаний благоприятствует институциональной кооперации.

В противовес положительной оценке четырех вышеприведенных механизмов важно отметить, что субъекты научной дипломатии должны решать ряд «пограничных проблем», которые усложняют построение доверия. Большинство ученых проводят четкую границу с политической сферой. Директор Норвежского полярного института отмечает: «...ученые должны понимать свою роль, предоставлять точные и нейтральные знания и не должны переходить черту, занимаясь политикой» (Ян-Гуннар Винтер, интервью 21 января 2016 г.). «Я надеюсь, что сами ученые в своей работе не мыслят политически» (Сьюзен Барр, интервью 23 августа 2016 г.). Китайские ученые также подтверждают, что не преследуют политические цели.

Хотя отношение к политизации науки, формирующей научную дипломатию, различается от страны к стране, научное сотрудничество преследует политические цели, оно утрачивает свои профессиональные принципы и стандарты, что препятствует доверительному сотрудничеству между международными партнерами [Su Ping, Mayer 2018]. Политизация науки вызывает озабоченность, когда продвигаются узкие исследовательские темы, которые относятся к национальным интересам, а не к знаниям как универсальному общественному благу. Чрезмерная политизация подразумевает, что ученые выполняют дипломатическую или административную работу и не занимаются настоящими исследованиями. В результате возникает тенденция – дипломатия без науки.

Использование термина «научная дипломатия» может усилить политическую инструментализацию научного сотрудничества. Крайне важно, с одной стороны, понять существующую множественность границ и не уходить от политических контекстов или подтекстов. Практики и ученые склоняются к дальнейшему укреплению научной дипломатии, которая будет работать успешно только в том случае, если в ее основе останутся научные исследования, а не политические или административные значения.

Список литературы

Большаков С.Н. 2017. Арктический регион в спектре геоэкономических и геополитических интересов. – *Европейская зона российской Арктики: сценарии развития*: сборник материалов всероссийской научной конференции. Сыктывкар. Изд-во КРАГСиУ. С. 57-61.

¹ 'Working Groups'. – *Arctic Council*. 2015. URL: <http://www.arctic-council.org/index.php/en/about-us/working-groups> (accessed 02.05.2022).

Большаков С.Н. 2018. Арктические направления политики Финляндии: геополитическое и геоэкономическое направления. — *Вестник Коми республиканской академии государственной службы и управления: теория и практика управления*. № 20(25). С. 210-216.

Bertelsen R.G. 2016. Triple-helix Knowledge-based Sino-Nordic Arctic Relationships for Trust and Sustainable Development. — *Advances in Polar Science*. Vol. 27. Is. 3. P. 180-184.

Brady A.-M. 2017. *China as a Polar Great Power*. Cambridge: Cambridge University Press. Vii+273 p.

He J., Zhang F. 2012. 从北极国家的北极政策剖析北极科技发展趋势 [The Development of Arctic Science and Technology Based on the Arctic Policies of Arctic Nations]. — *Chinese Journal of Polar Research*. Vol. 4 (December). P. 408-414.

Jakobson L., Peng J.C. 2012. *China's Arctic Aspirations*: SIPRI Policy Paper No. 34. URL: <https://www.sipri.org/publications/2012/sipri-policy-papers/chinas-arctic-aspirations> (accessed 30.04.2022).

Jasanoff S. 2013. Epistemic Subsidiarity-coexistence, Cosmopolitanism, Constitutionalism. — *European Journal of Risk Regulation*. Vol. 4. Is. 2. P. 133-141.

Leichenko R., O'Brien K. 2008. *Environmental Change and Globalization: Double Exposures*. Oxford: Oxford University Press. 192 p.

Peng J., Wegge N. 2014. China and the Law of the Sea: Implications for Arctic Governance. — *The Polar Journal*. Vol. 4. Is. 2. P. 287-305.

Su Ping, Mayer M. 2018. Science Diplomacy and Trust Building: 'Science China' in the Arctic. — *Global Policy*. Vol. 9. Is. 3. P. 23-30.

Su P., Lanteigne M. 2015. China's Developing Arctic Policies: Myths and Misconceptions. — *Journal of China and International Relations*. Vol. 3. No. 1. P. 21-25. URL: <https://journals.aau.dk/index.php/jcir/article/view/1144> (accessed 01.05.2022).

Yang H. 2012. Development of China's Polar Linkages. — *Canadian Naval Review*. Vol. 8. Is. 3. P. 1-30.

Yang J., Yu H. 2014. The Community of Chinese Scientists and the Agenda Setting of Arctic Governance. [中国科学家群体与北极治理议程的设定]. — *Journal of International Relations*. Vol. 6 (November/December). P. 37-49.

MIKHALCHENKOVA Natalia Alekseevna, Dr.Sci. (Pol.Sci.), Head of the Arctic Project Office, Saint Petersburg State University (7-9 Universitetskaya Emb, Saint-Petersburg, Russia, 199034; mehedova@yandex.ru)

ARCTIC POLICY AND SCIENTIFIC DIPLOMACY IN THE EASTERN DIMENSION

Abstract. The article reveals the importance of research in the Arctic region, analyzes the scientific directions of research in the region, analyzes the directions of the Arctic policy of the People's Republic of China. The author reveals the significance of the humanitarian mission of science and scientific diplomacy in the international cooperation of countries.

Keywords: Arctic, politics, science, scientific diplomacy, international relations, PRC
